

АНТИЦЕННОСТНАЯ ПРИРОДА МОРАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

Н.К. Эйнгорн, г. Екатеринбург, Россия

Диапазон современного восприятия проблемы отчуждения весьма широк: от спокойно-рассудительной констатации этого явления, естественности и закономерности его последствий и веры в преходящий характер отчуждения до крайне пессимистических оценок тотальности и неизбежности отчуждения, обреченности человека и общества на его власть над людьми, на «ад», «пропасть» отчуждения и самоотчуждения. Трагизм в восприятии проблемы отчуждения нарастает, оно все более начинает ощущаться как «зло», как «возмездие» за неадекватную человеческую жизнь, за нежелание действовать в согласии с объективной природой вещей. А какова природа самого отчуждения?

Постепенно преодолевается расширительное понимание отчуждения и его отождествление с «полаганием предметности» (Фихте), с «объективацией» и «опредмечиванием» (Гегель), с «любим материализованным бытием» (Бердяев). Иными словами, с понимаем отчуждения как объективного атрибута человеческого бытия. Проблема отчуждения и его видов правомерно начинает исследоваться в пространстве субъект-объектного отношения не в онтологическом или гносеологическом концептах, а в аксиологическом, ценностном. Ведь в самом слове «отчуждение» корень выражает исключительно ценностно-оценочное отношение: «чуждый», «чужой».

Определим место и специфическое содержание категории «отчуждение» в ряду философских категорий, характеризующих жизнедеятельность субъекта, его взаимодействие с объективной реальностью. Три пары категорий выражают это отношение: «субъект»-«объект», «субъективация»-«объективация», «распредмечивание»-«опредмечивание». В этих взаимодействиях еще нет отчуждения. Для перехода к следующей паре категорий важно отметить, что распрепредмечивание-опредмечивание – это такое проявление субъект-объектного отношения, в котором фиксируется объективная, фактическая сторона этого отношения, безразличная к тому, что в отношении вступают субъекты, обладающие не только беспристрастным целеполаганием, но и интересами, чувствами, пристрастиями. На уровне распрепредмечивания-опредмечивания субъект-объектное отношение предстает в «чистом виде», в виде отношений идеальных субъектов и объектов.

Следующая пара категорий «присвоение-отчуждение» представляет качественно иную характеристику субъект-объектного отношения – не беспристрастно-сущностную, объективную, фактическую, а значимостную, ценностную, необходимость и

неизбежность которой определяется тем, что субъект-объектное отношение к миру проявляется как потребностно-мотивационное, утилитарно-практическое, выявляющее так называемое «аксиогенное бытие» предметов, их способность удовлетворять потребности и интересы субъекта.

Присвоение является деструктивным, потребителски-завоевательским мироотношением, в котором брать от мира всегда больше, чем отдавать. Отчуждение превращает деятельность человека и ее результаты, в господствующую над человеком самостоятельную силу, враждебную ему. Отчуждение – это состояние вражды субъекта со своей сущностью. Если отчуждение выступает как «размывание» и утрата собственной субъектности, конфликт со своей сущностью, то присвоение – это разрушение субъектности другого. Отчуждение-присвоение – угрожающие факторы человеческого бытия, они имеют свои пределы.

Пределом отчуждения выступает «овеществление» – самоотрицание индивидов, созидание нечеловеческого мира вещей, ролей, как итог – деперсонификация человека, персонификация вещей. Овеществление – это абсолютное отрицание ценности и самооценности субъекта, абсолютная фетишизация человеческих отношений.

Пределом присвоения является условно называемая нами «субъектная аннигиляция», под которой следует понимать предельность инобытия субъекта, характеризуемую саморазрушением, дезидентификацией, дегуманизацией, превращением субъекта в антисубъект, его уничтожение, исчезновение. Овеществление и субъектная аннигиляция ведут к расчеловечиванию субъекта и в конечном счете к его взаимно и самоуничтожению.

Преодолением такого деструктивного развертывания субъект-объектного отношения выступают «освоение и самоутверждение» как конструктивное, субъекто-созидающее и субъекто-развивающее отношение. Освоение – это конструктивный тип мироотношения, в котором отдавать миру всегда больше, чем брать от мира. Освоение есть обретение человеком себя через единение с другим, с природой, обществом, историей. Самоутверждение субъекта это его идентификация с сущностными силами человека через индивидуализацию, через осознание и утверждение своего «Я», своего достоинства, утверждение своей ценности и самооценности. Самоутверждение есть путь к совершенству и способ его реализации.

Отчуждение – деструктивное отрицание ценностей. Моральное отчуждение проявляется как извращение под воздействием экономических, политических, правовых и иных социальных факторов

регулятивной и мировоззренческой сущности и специфики морали, которое начинает проявляться не в сознательном, добровольном и бескорыстном выполнении долга, превращается в чуждую, враждебную человеку силу, господствующую над ним, подавляющую его автономию, лишаящую специфической моральной мотивации деятельность и поведение субъекта. Внешнее принуждение и контроль за выполнением моральных требований почти полностью исключают самодетерминацию и самоконтроль. Моральная демагогия, моральное лицемерие, инфантилизм и конформизм являются признаками морального отчуждения. Предел морального отчуждения – забвение ценности конкретного человека, абсолютное доминирование общественного над личным, превращение морального субъекта из цели и ценности в средство социальных преобразований, социального развития.

Моральное отчуждение – это не только деструкция регулятивного своеобразия морали, но и деструкция ее гуманистического потенциала. Мораль, в отличие от нравственности, чревато отчуждением, отчуждение имманентно морали, ибо она, несмотря на свою субъектную центрированность, основана на неравноценности субъектов, на их иерархии, субординации, на приоритете общественного над личным, индивидуальным. Поскольку мораль направлена на стабилизацию и сохранение конкретного социума, она конкретно-исторически ограничена, подчиняется законам данного социума и всегда содержит противоречие потенциальной гуманности и актуальной социумной приоритетности. Ценность субъекта определяется степенью соблюдения данного приоритета и всегда может быть принесена ему в жертву. Для морали ценность человека условна, самооценочность – проблематична, ибо для морали важна прежде всего социальная ценность целей, мотивов, средств и результатов деятельности. Личность как страдающая экзистенция принимается моралью настолько, насколько она вписывается в принятую в данном обществе систему моральных требований и моральных ценностей. В противном случае действует моральный диктат, духовное подавление и принуждение. Мораль не исключает индивидуальности, разнообразия субъектов, но в пределах условий существования конкретного социума.

Моральное отчуждение представляет собой деструкцию субъектной субстанциональности, проявляющуюся в деуниверсализации (тотальности единичности и одиночества), дегуманизации (утилизации человека в целях социального развития), в неподлинности бытия и его дисгармонизации (нецелостности, неполноте, несовершенстве).

Преодоление гуманистической ограниченности и отчуждающей способности морали возможно в нравственности. Нравственность основана на принципиально иной парадигме мироотношения. Если для морали характерна приоритетно-социумная парадигма, то нравственность определяется приоритетно-универсумной парадигмой, значительно расширяющей мировоззренческое пространство субъекта, пространство его бытия.

МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ КУЛЬТУРЫ КАК ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКЦИИ

Е.И. Янчук, г. Минск, Беларусь

В культуре в целом и в различных ее формах и проявлениях закрепляются системы ценностей, стандарты поведения, а также установки, регулирующие разного рода практики. В своей совокупности они образуют своеобразную матрицу, в пределах которой осуществляется конструирование базовых принципов общежития, вырабатываются идеалы и нормы, конвенции, ориентиры и инструменты социализации и самоидентификации. Одним из таких инструментов в современном обществе стала гендерная культура. Проявление данной проекции обусловлено действием со стороны различных факторов и, в первую очередь, таких, которые заостряют внимание на половом диморфизме человека.

Классическая философия рассматривала оппозицию «мужского» и «женского» чаще всего в асимметричном ее понимании, выводя «мужское» на роль доминанты и определяя «женское» как вторичное, зависимое и в целом второстепенное, а, следовательно, малозначимое для культуры. Как следствие, различные аспекты культуры, так или иначе связанные с полом, разрешались «по умолчанию» не в пользу феминности, но в пользу маскулинности. В таких условиях гендерная культура не могла сформироваться как вполне самостоятельная. Существовая в латентной форме, она скорее угадывалась или подразумевалась, будучи имманентно присущей любой человеческой общности.

При рассмотрении проявлений женского в культуре интересна постановка вопроса о статусе гендерных составляющих в культуре в целом и механизмах их формирования. В рамках феминистских и гендерных исследований эта проблема возникает на стыке с культурологической проблематикой и органично проникает в сферу изучения культурогенеза. Fern L. Johnson, работающая в указанной исследовательской плоскости [1], говорит о двух различных мирах: